

пускаеть. И какъ будетъ по^х градомъ по^х Себежѣ, услышалъ тутъ стукъ, топотъ, и конское ржаніе, кри^т и шумъ великоя. И проведалъ Илья Муромецъ, ажно стоя^т по^х градомъ три црѣвича, (л. 76) а со всякимъ црѣвичѣ^х по сту и по тысячи войско, и хотять Сибирское црѣство взять, а самого црѣя полонить. И тутъ Илья Муромецъ заветъ свой переменяеть, вострую саблю вынимаеть и напущаеть на всю силу ратную, и побилъ все^х, а тре^х црѣвичевъ в полонъ взялъ і подарилъ Сибирскому царю. И Сибирской црѣ спрашиваетъ: Гой еси ты, доброй молодець! Какъ тебя іменемъ зову^{тъ}, какъ величаю^{тъ} по ѡчеству і которого города? (л. 76 об.) Отверъ держитъ дѡрой молодець: Меня по имени зовутъ Илюшкою, а по отечеству Ивановъ снѣ, уроженецъ города Муромъ. И еще спрашиваетъ Сибирской царь: Куда твоя дорога імеется? Отверъ держитъ Илья Муромецъ: Еду я к столному граду Киеву. И Сибирской црѣ говори^{тъ}: Пожалуй, Илья Ивановичъ, сживи ты у меня, и золота ка^{на} тебе црѣская будѣ^{тъ} незаперта, и дамъ тебе да поцрѣствія моего. А Ия [л. 77] Муромецъ не сойволяетъ и спрашиваетъ прямой дороги ко граду Киеву, какъ бы ближе ехать. И Сибирской црѣ говоритъ: Прямой, гдѣрь Илья Ивановичъ, дороги нетъ у насъ х Киеву, а прямая была дорога на Брынская леса, на грязи топучія, на мосты калиновыя, черезъ реку Смородину; толко та дорога залегла ровно тритцать летъ; и в те годы ни одинъ члвкъ не прохаживалъ, ни веръ не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала, того ради ту (л. 77 об.) дорогу завладелъ Соловей Рабѡйникъ и поныне та^{къ} живѣ и дѣтми своими. И ту^{тъ} бгатырское сердо рагорелося, поехѡ прямою дорогою х Киеву. І какъ будетъ на мосту калиновомъ чре^з реку Смородину, напустилъ на него Соловей Рабѡйникъ и засвисталъ своимъ бгатырски^{мъ} посвистѡ рабѡйническимъ. И тутъ под Бѣю Мурѡцемъ бгатырской конь спотыкну^{тъ}; и что зговори^{тъ} Илья Муромецъ: Али нетъ на свете русской земли? Удари^{тъ} добра коня своею палицею (л. 78) желѣною: Что ты вѡчьа сытъ, травеной мешокъ, спотыкаешся ѡ^{тъ} такой лесной пугалицы, чучелы!¹ Свой крепкой лукъ и^{тъ} налушника, калену стрелу ис кочана і, натянувши, выстрели^{тъ} в Соловья Рабѡйника, і попала ему стрела в правой гласъ. И Соловей Рабѡйникъ упѡ съ 12 дубѡ аки бѡшей снопъ на землю. І Илья Муромецъ поскочилъ и селъ у Соловья Рабѡйника на белы^{хъ} грудя^{хъ}, и хочеть у него вынуть ретиву (л. 78 об.) сердо. І вѡмолитца Соловей Рабѡйникъ: Гой еси ты, снѣы бгатырь Илья Муромецъ снѣ Ивановичъ! Оста^{тъ} дшю на покаяние. Что зговори^{тъ} Илья Муромецъ: Где твоя, Соловей Рабѡйникъ, золота ка^{на} лежитъ? І Соловей Рабѡйникъ ѡвещаетъ: Моя золота ка^{на} лежитъ в моихъ селахъ Кутузовы^{хъ}, а гонцы гоняютъ по два мѣа до те^{бѣ} селъ а скоро на скоро в одинъ мѣць. И тутъ (л. 79) Илья Муромецъ привязывае^{тъ} Соловья Рабѡйника к своему стремени булатному. І какъ будутъ по^х селами Кутузовыми, завидели Соловьевы 12 снѡвъ и говорятъ: Вонъ нашъ батюшко едетъ, а в торока^{хъ} ведеть доброва молотца, у стремени привязана. А бѡшей снѣ говоритъ: То едетъ Илья Муромецъ, а в торока^{хъ} ведетъ нашево батюшку. И тутъ дети пометалися в кладовую горницу в золотую ка^{ну}, и надевають (л. 79 об.) на себя ружье бгатырское и хотять

¹ В Забелинском списке здесь прибавлено: «И вынимаеть».